

УДК 159.922

ПОНЯТИЙНЫЕ ОППОЗИЦИИ ОПИСАНИЯ ЖИЗНЕННОГО МИРА ЧЕЛОВЕКА

Н.Р. Салихова

Аннотация

Осуществлен сопоставительный анализ существующих в современной психологии основных подходов к изучению жизненного мира человека с целью экспликации явных и неявных понятийных оппозиций, используемых в его описании. На основе их конфигурации предложена модель теоретического пространства познания жизненного мира, включающая противопоставление внутреннего и внешнего, позиций описания извне и изнутри, ситуативного и устойчивого, общего и частного, целого и части.

Ключевые слова: жизненный мир, жизненное пространство, психологическое пространство, психологическая ситуация.

Понятие *жизненного мира* относится к тем интегральным категориям, которые охватывают наиболее широкую рамку исследования психического как целостности. Психологическая реальность, стоящая за понятием «жизненный мир человека», обозначается в науке рядом терминологических аналогов: «жизненное пространство» (Левин, 2000), «онтология человеческого бытия» (Рубинштейн, 1946; 1976), «жизненный мир» (Василюк, 1984), «малая среда» (Чудновский, 1993), «субъективный мир» (Слободчиков, Исаев, 1995), «ментальное пространство» (Клочко, 2002), «бытийное пространство» (Рябикина, 2005), «психологическое пространство» (Нартова-Бочавер, 2007), «социально-психологическое пространство» (Журавлев, Купрейченко, 2007) и др. Возрождение интереса к данному понятию в современной психологии А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко [1] объясняют общим парадигмальным сдвигом в направлении исследований человека как субъекта самоопределения, отражающим «в высокой степени избирательное и, в то же время, преобразующее отношение субъекта к внутренним и внешним условиям своей жизнедеятельности» [1, с. 8]. Этот сдвиг сопровождается возникновением новых подходов и увеличением терминологического разнообразия, что делает актуальной задачу сопоставительного анализа концепций и терминов данного направления.

Целью данной статьи стало эксплицировать явные и неявные понятийные оппозиции, выступающие в качестве теоретических координат, с помощью которых в современной психологии строится понятие жизненного мира и близких ему по смыслу понятий, обозначаемых схожими терминами. Тем самым мы продолжаем работу по систематизации различных теоретических и эмпирических реализаций понятия жизненного мира и его аналогов, уже начатую рядом авторов [1, 2].

Выявление ключевых понятийных оппозиций описания жизненного мира, отражающих его различные размерности и создающих поле вариативности имеющихся подходов, осуществлялось посредством сопоставления между собой тех из них, которые по критерию фокусировки фактически реализуемых исследовательских программ можно условно разместить на противоположных полюсах той или иной понятийной оппозиции. Этим же определялся и выбор рассматриваемых в настоящей работе подходов, который не исчерпывает всего поля исследований и концепций. Некоторую условность проведенного сопоставления мы оговариваем изначально, так как нельзя утверждать, что какой-либо подход целиком и полностью сводится к одному из полюсов. Каждый из авторов обратился к понятию *мира* или *пространства* с целью подчеркнуть целостность изучаемой реальности. Чаще всего на общетеоретическом уровне в каждой концепции представлены практически все полюса основных понятийных оппозиций, но все-таки некоторые из них развернуты более детально, а какие-то остаются в тени. По всей видимости, это связано с тем, что ни один исследователь не может в одинаковой мере охватить, особенно на конкретном эмпирическом уровне, все составляющие этой многогранной и сложной реальности. Поэтому каждый из подходов представляет собой сокращающую размерность проекцию многомерной целостности на менее объемную реальность. При этом его терминологическое оформление отвечает тем аспектам, которые оказались в фокусе внимания. В рассматриваемых подходах мы выделяли именно те их моменты, которые отличают каждый из них наиболее полным и выпуклым представлением какого-либо из аспектов жизненного мира. Конфигурация разных подходов может задать более полные координаты теоретического пространства познания жизненного мира, необходимые как для построения его структурно-уровневой модели, так и для сопоставления имеющихся подходов.

Понятийная оппозиция **внешнего и внутреннего**, возникающая как в процессе рассмотрения источников детерминации, так и в качестве основания структурно-топологического анализа жизненного мира, является для всех подходов сквозной. Это совершенно не случайно, так как понятие жизненного мира и возникло для обозначения той третьей реальности, в которой противопоставление внешнего и внутреннего должно сниматься. Следующее различие связано с **позицией описания** жизненного мира: изнутри, с точки зрения самого человека, или извне, с позиции внешнего по отношению к нему наблюдателя. Оно имплицитно вкладывается в то или иное понимание жизненного мира, становясь точкой фундаментального расхождения основных научных парадигм в психологии, однако в современных концепциях чаще всего присутствует в неявном, неэксплицированном виде. Важным основанием вариативности подходов являются иногда пересекающиеся между собой понятийные оппозиции **ситуативное – устойчивое, общее – частное, целое – часть**. Рассмотрим эти оппозиции сквозь призму и на материале разработанных к настоящему времени в ряде концепций теоретических конструкций.

Внешнее – Внутреннее. В силу того, что различие внешнего и внутреннего является центральным для снимающего их полярность понятия жизненного мира, в разных подходах наблюдается много конкретных вариаций понимания их синтеза.

Одно из исторически первых в данном контексте понятий – «жизненное пространство» Курта Левина – обозначало специфическое *единство личности и среды*, не сводимое ни к одному из них в отдельности, которое подчиняется психологическим законам и характеризуется психологическим пространством/временем, отличным от физического [3]. Жизненное пространство задается двумя границами: *внешняя* отделяет его от реального физического и социального макромиров, *внутренняя* в рамках самого жизненного пространства отделяет внутренний мир личности от ее психологической среды посредством сенсомоторной области. Тем самым фактически выделены зоны реальности, отличающиеся между собой соотношением внутреннего и внешнего. Во-первых, это абсолютное внешнее, которое не входит в жизненное пространство человека, оставаясь чуждой ему «вещью в себе», не существующей для человека. Во-вторых, существует внешнее, которое входит в жизненное пространство, представляя объекты и явления, соответствующие внутренним областям и связанные с ними векторами напряжений, но для самого субъекта они выступают как внешние. И, в-третьих, существуют внутренние области, имеющие свою топологическую структуру, векторы и динамику напряжений. Как видим, здесь внешнее фактически разделено на две зоны: абсолютное внешнее, не существующее для жизненного мира, и внешнее, входящее в жизненное пространство в силу своего соответствия внутреннему. К различению внешнего и внутреннего у К. Левина относится и представление о реальном и ирреальном (существующем только в плане фантазий) уровнях жизненного пространства. Уровень реального отражает внешнее, присутствующее в рамках жизненного пространства, а ирреальное – только внутренние области.

В теории К. Левина присутствует также представление о пространстве свободного движения, определяемом степенью осведомленности человека в той или иной сфере жизни. Соответственно, во внешнем, входящем в жизненное пространство, разделяются между собой зона, в которой отсутствует возможность свободного движения, и зона, где такая возможность есть. Это вносит в разделение зон жизненного мира по соотношению внешнего и внутреннего более тонкий критерий *освоенности – неосвоенности*. Внутреннее также имеет зоны, которые могут выходить к внешнему, – это сенсомоторная область, и те, которые непосредственно не имеют туда выхода. Как видим, уже в концепции К. Левина заложено представление о соотношении внешнего-внутреннего скорее как континуальном в противовес традиционному дихотомическому. Континуум начинается с внешнего, несуществующего для жизненного пространства субъекта, продолжается входящим в него, но не освоенным внешним, затем выделяются освоенные зоны жизненного пространства, следом идут сенсомоторные области внутреннего, имеющие выход вовне, а затем внутренние зоны.

Анализ современных подходов также позволяет заметить подобный континуум, на изучении разных сегментов которого сфокусированы те или иные

концепции¹. При этом некоторые авторы создают теоретические схемы и терминологию, позволяющие в максимальной степени удерживать внешне-внутренние соотношения как неразрывное единство, ухватить синтетическую середину данного континуума в месте существования «третьей реальности», другие же смещены к одному из его полюсов.

Один из первых вариантов конкретно-психологического анализа жизненного мира среди отечественных психологов принадлежит Ф.Е. Василюку [4], который развил философско-методологическое представление С.Л. Рубинштейна [5] о том онтологическом статусе, который приобретает мир в его соотношении с человеком. Понятие жизненного мира привлечено для решения фундаментальной задачи рассмотрения психики в рамках неклассической онтологии, обозначаемой как «жизнь-человека-в-мире», и задано как предельно обобщенная методологическая категория. По отношению к ней категории *деятельность, общение, отношение* и *установка*, синтезированные в теоретической модели «интегральной психологической единицы жизненного мира человека», выступают как частные аспекты единой общепсихологической системы [6]. Рассматривая соотношение внешнего и внутреннего в жизненном мире, Ф.Е. Василюк говорит о таком их единстве, которое означает, что в психологическом мире нет ничего непсихологического, относящегося к иной природе; «нечто трансцендентное ему, нечто “оттуда”», заглядывает в мир уже «в маске чего-то психологического» [4, с. 91], например, трудности и боли. Являясь полностью психологическими, они принадлежат только жизненной реальности, лишь своей обратной стороной намекая на существование иного бытия, не подчиняющегося законам данного жизненного мира, и конституируют тем самым его внешние аспекты (сравните с заданным К. Левиным различием абсолютно внешних и входящих в жизненное пространство внешних областей). Но при этом он использует понятия внешнего и внутреннего миров, различия которых прослеживает в характеристиках пространственно-временной организации. В описании хронотопа внешнего мира говорится о протяженности как пространственной удаленности и временной длительности, а в описании внутреннего – о структурированности как о сопряженности, субъективной «связанности между собой различных жизненных отношений во внутреннем пространстве», наличии «субъективных связей *последовательности* между реализацией отдельных отношений» [4, с. 93–94].

На методологическом уровне идея единства внешнего и внутреннего разрабатывается в теории психологических систем В.Е. Ключко [7]. Жизненный мир человека предстает в ней как «превращенная форма» сложнейшей, находящейся в состоянии непрерывного становления, динамической субъективно-объективной реальности, в рамках которой противоположности (внутреннее и внешнее, субъективное и объективное) сосуществуют в сложном и упорядоченном системном единстве: «...многомерный мир человека есть то, что располагается между субъективной и объективной реальностями, между “духом и материей”...

¹ В настоящей статье мы не рассматриваем направления психологии, для которых внешнее и внутреннее разделены дихотомически и безотносительно друг другу, а потому могут взаимодействовать как абсолютно разделенные сущности, и останавливаемся лишь на тех, авторы которых работают в парадигме жизненного мира, где их разделение относительно.

Этот мир не рождается вместе с человеком – он им создается, конструируется, и, в конечном счете, человек таков, каков его мир» [7, с. 140]. При этом жизненный мир человека порождается не им, не его сознанием, а целостной психологической системой, центром которой он является. Целостная психологическая система понимается как человек, взятый в единстве с той частью объективного мира, которая составляет его (человека) действительность. Именно **человек как открытая самоорганизующаяся психологическая система** задает «особую психологическую онтологию», «психологическое пространство», в котором совершается взаимопереход внешнего и внутреннего, субъективного и объективного и обеспечивается возможность рождения сознания. Причем психологическое пространство детерминировано не совокупностью «завязанных в систему элементов объективной действительности» и не «произволом системообразования, осуществляемым человеком». В нем снимаются как «объективная логика среды, так и субъективная логика человека, подчиняясь одной логике – логике самоорганизации человека как открытой системы» [7, с. 126]. Под внутренним здесь понимается целостный человек в единстве природных и системных качеств, упорядоченных как *уровни его организации*, а жизненный мир человека является частью его самого, его «истинным телом».

Становление жизненного мира (которое автор отличает от развития) совершается как последовательное появление его новых измерений, задающих **многомерность** очеловеченного пространства. Сначала «объективная реальность» (мир без человека) превращается в категоризованный значениями *предметный мир*, который становится затем *смысловой реальностью* и далее – *ценностной действительностью*, делающей человека соизмеримым с другими людьми и с самим собой, еще не ставшим, возможным. *Смыслы и ценности* понимаются как субъективные сверхчувственные, порождаемые открытой психологической системой качества предметов, фиксирующие факт соответствия определенных секторов предметного мира человека его *потребностям* и *возможностям*, соответственно.

Хотя в данной теории используются понятия внутреннего и внешнего, предметом анализа является та «психологическая реальность», в ходе порождения и самоорганизации которой возникает взаимопревращение противоположностей, интеграция детерминационных потоков, берущих начало во внешнем, во внутреннем, в самой деятельности.

Несколько иная рамка рассмотрения жизненного мира индивидуальности через ее соотношение с другими системами предложена в концепции **метаиндивидуального мира** Л.Я. Дорфмана [8]. Он определяет *индивидуальность* как самость и *мир* в его собственном бытии *целостными равновеликими системами*, которые одновременно могут выступать подсистемами друг друга. В метаиндивидуальном мире существуют две базовые системы отношений: от индивидуальности к миру и от мира к индивидуальности. Мир определяется как совокупность значимых людей, предметов культуры, объектов живой и неживой природы, соотнесенных и соизмеримых с индивидуальностью, масштабом ее жизни. Индивидуальность существует в мире, проникает в него, совершает выборы людей и объектов, производит в них изменения, создавая *экстракорпоральные* формы своего существования. Мир также проникает в индивидуальность, под-

чиняет ее своим требованиям и нормам, ожиданиям, вследствие чего в индивидуальности появляются производные от мира *интракорпоральные* образования. Соответственно, в метаиндивидуальном мире существуют разные типы детерминационных потоков. Первый восходит к системам, которым принадлежит человек, являясь их элементом (общество, культура, природа), и которые шире рамок его жизненного мира; второй обусловлен активностью человека; третий поток – это имманентная детерминация, которая присуща человеку как сложной, саморегулируемой системе, одновременно автономной и открытой другим системам, преобразующей их в соответствии с логикой собственного бытия. В последнем случае структурирование жизненного мира человека задается самодеятельностью, в которой человек созидает свое инобытие в объективной реальности, воплощая себя в мире. Эти потоки, сосуществуя и взаимодействуя друг с другом, определяют своеобразие жизненного мира человека, в котором выделяются разные области. В области *авторства* действуют самоопределение и самопричинение индивидуальности, а их следствия, выходящие в мир, задают область *обладания*; в области *принятия* источником детерминации является мир, в области *зависимости* индивидуальность не принадлежит самой себе, являясь следствием, воспроизведением детерминации от системы мир. Данные области, сочетающиеся в той или иной конфигурации, задают разнообразные конкретные варианты отношений человека и мира.

В решении онтологической проблемы локализации психического, его топологии полагается, что психическое существует как внутренне (интракорпорально), так и внешне (экстракорпорально), при этом особый класс явлений, в которых интра- и экстракорпоральные стороны существуют в неразрывном единстве, и составляет предметность исследований метаиндивидуального мира. Последнее положение, заметим, подразумевает наличие форм психического, существующих только интракорпорально или экстракорпорально. Как видим, отталкиваясь от проблемы соотношения разных детерминаций, Л.Я. Дорфман формирует представление об индивидуальности и ее мире как едином потоке, в котором индивидуальность и мир, объект и субъект, идеальное и материальное плавно «перетекают» друг в друга, образуя неразрывные совокупности, что также подразумевает некоторый континуум разных соотношений в них внешнего и внутреннего.

Итак, если теория психологических систем в большей степени сконцентрирована на человеке как центре своего жизненного мира и этапах его становления, то в концепции метаиндивидуального мира его центрами могут становиться как сама индивидуальность, так и мир. При этом оба подхода создают теоретические модели, позволяющие понятийно ухватить то единство внешнего и внутреннего, где собственно и существует жизненный мир, описывая эту реальность на предельно обобщенном уровне.

Более полярны в рассматриваемом континууме внешнего и внутреннего подходы, сфокусированные на *экстракорпоральных*, по терминологии Л.Я. Дорфмана, формах жизненного мира, с одной стороны, и его *интракорпоральных* формах – с другой. Первые представлены бытийным подходом к личности [9] и концепцией ее суверенности [10], тогда как вторые связаны с понятием экзистенциального пространства [11, 12].

В качестве предмета психологии личности З.И. Рябикина определяет бытие как неповторимую «целостность взаимообусловленных феноменов внутреннего мира человека, его организмических состояний, поведенческих моделей и событий внешнего мира, в котором он претворил свою субъектность (объективировал субъективное)» [9, с. 152] и вводит понятие *бытийного пространства*. В него включаются преобразованные в соответствии с личностными смыслами телесность, предметно-пространственная среда, организованное в соответствии со структурой ценностного отношения время, индивидуальный стиль деятельности, пространство межличностных отношений, имидж личности и др. Развитие личности понимается как *расширение ее бытийности* и связывается с ростом субъектности, которая «реализуется в стремлении личности “экстериоризовать” себя в среду, привнося в нее свое, преобразуя ее в соответствии с собственными смыслами», трансформируя *три пространства* явлений: *среду* своей жизни, свой *организм* во всей сложности его процессов и свое *поведение*. Образуют бытийный слой психики, они, с одной стороны, непосредственно включаются в организацию личности, а с другой – имеют продолжение в объективно фиксируемых событиях человеческого бытия, поэтому предстают как явления одновременно психологической и внепсихологической природы. В психологическом пространстве им поставлены в соответствие мотивационно-потребностная сфера, планы и структуры поведения и образ мира, причем «в структуре личности системно организованное пространство смыслов занимает позицию над феноменами бытийного слоя психики и объективными пространствами ее бытийности» [9, с. 149]. Конкретно-экспериментальные исследования в рамках данного подхода направлены преимущественно на изучение многочисленных форм экстериоризации смысловых структур личности вовне: феномены имиджа, средовой персонологии, предметно-пространственной среды в форме домашнего дизайна и т. п.

Близким к предыдущему является подход к исследованию личностного пространства, развиваемый в рамках концепции *суверенности личности* [10]. С.К. Нартова-Бочавер определяет психологическое пространство личности как «субъективно значимый фрагмент бытия, определяющий актуальную деятельность и стратегию жизни человека. Оно включает комплекс физических, социальных и чисто психологических явлений, с которыми человек себя отождествляет» [9, с. 136]. Его структура анализируется через разные *языки бытия*, образующие шесть измерений: собственное тело, территория, личные вещи, временной режим, социальные связи, вкусы (ценности). Психологическое пространство обладает устойчивостью, человек ощущает его как *свое*, присвоенное или созданное им самим, имеет возможность *контролировать* и защищать все находящееся и возникающее внутри пространства, реализуя свое чувство *авторства*. В пространстве также выделяются его объем, количество измерений, сохранность (устойчивость-подвижность границ). Данная концепция, также фокусируясь на экстракорпоральных формах жизненного мира, исследует его в первую очередь через границы, поскольку, как считает автор, пространство обычно прозрачно для субъекта, не рефлексивируется им без возникновения проблемных ситуаций и проявляет себя в ответ на его искажение или нарушение границ, вызывая оборонительную активность. Отмечается подвижность психоло-

гического пространства и его зависимость от осмысленности жизнедеятельности человека. Расширение происходит при наличии «рыхлых» и неопределенных перспектив, что соответствует стадии жизненного поиска, стабильное состояние устанавливается при обретении ответа, сужение – при возникновении сверхценной идеи, в состоянии влюбленности.

Подчеркивая смешанную природу психологического пространства, его центром С.К. Нартова-Бочавер считает интракорпоральные образования: личную идентичность человека, переживания «Я» и «свое – чужое», причем *свое* – это то, с чем человек *идентифицируется*, и то, что *контролирует*. Однако понятие суверенности строится как привязанное к *средовым языкам бытия*, поскольку, как указывает автор, психологическое пространство и суверенность могут быть изучены только через соотнесение со средовыми явлениями. В связи с этим созданный тест диагностики суверенности зондирует ее преимущественно через экстракорпоральные (за исключением вкусов и ценностей) формы.

Данный подход вносит в шкалу «внешнее – внутреннее» содержание, связанное с понятиями контроля и идентификации, мера которых может служить критерием еще более тонкой дифференциации областей жизненного мира по соотношению в них внешнего и внутреннего. Так, в рамках освоенной зоны жизненного пространства можно выделить зону «Мое», в которую входит все то, с чем человек идентифицируется и/или то, что ощущает контролируемым, и которая, имея вполне конкретное внешнее и часто даже вещественное выражение, наиболее тесно связана с внутренними областями. Это отличает ее от зоны освоенного мира, то есть понятного, прогнозируемого и частично контролируемого, куда простирается «зона свободного движения» [3], с которым человек не обязательно идентифицируется.

Подходы, сфокусированные на *интракорпоральных* формах жизненного мира, пытаются схватить самое ядро субъективности в его переживании и данности субъекту через понятие *экзистенциального пространства*. Экзистенциальность понимается как способ единения человека с миром, «соединения всех модальностей бытия человека» [11, с. 250], душевно-чувственное воспроизводство, в котором создается композиция личностно-экзистенциального, психического времени-пространства субъекта и которое есть одновременно и внутренняя, и реальная жизнь. Экзистенциальное пространство создается реализацией личности во времени и пространстве своей жизни, при этом экзистенциальность связывается с ее интуитивной, образно-метафорической, эмоционально-смысловой интерпретацией, осуществляемой человеком по логике доминанты обобщенных жизненных чувств. Близким ему по смыслу является предложенное М.Ш. Магомед-Эминовым понятие *экзистенциального мира*, который соотносительен предельным смыслам бытия человека и открывается в горизонте единства человека с миром [12].

Центрированность экзистенциального пространства на субъекте, его явленности самому себе и переживании истинности своего «Я» подчеркивается Е.Е. Сапоговой. Экзистенциальное пространство субъекта она определяет как «совокупность насыщенных индивидуальной ценностью семантических зон (концептов и связанных с ними переживаний), образованных вокруг “сильных”, значимых точек индивидуального бытия человека, без которых он не мыслит

самого себя подлинным, аутентичным, “реальным”» [13, с. 107]. Подчеркивается внутренняя локализация этого пространства, задаваемая его субъективно переживаемыми пределами. Автор пишет о нем как своеобразной «экзистенциальной собственности» человека, включающей все то, что из «большого» бытия стало для него «своим» и оформило границы «Я – не Я», очертило привычную форму существования человека, создало индивидуальную ценностную разметку реальности для осуществления жизни, закрепило и наполнило ценностью и переживанием истинности индивидуально найденные личностью способы взаимодействия с реальностью, особенности интеграции в реальность своей собственной самости. С точки зрения структуры в нём предлагается выделить нелинейно организованные *информационные «узлы»*, содержащие сведения, значимые для самоописания, которые являются результатом некоего понятного лишь самому субъекту *нелинейного упорядочивания опытов о себе*.

Другим понятием, также фиксирующим внутренние аспекты жизненного мира, является довольно широко используемое многими понятие *внутреннего мира*, которое, тем не менее, остается довольно расплывчатым. Раскрывая содержание внутреннего мира, авторы обычно описывают явления, традиционно изучаемые психологией и обозначаемые давно существующими в ее тезаурусе понятиями. Вариации подходов касаются чаще всего объема совокупности относимых к внутреннему миру психических явлений. Так, одни авторы в понятие внутреннего мира включают почти все известные в психологии феномены, структуры и механизмы, делая его эквивалентным психическому как таковому [14], другие понимают более узко, относя к внутреннему миру глубинные и наиболее иерархически высокие этажи личности, например ценностно-смысловую сферу, отвечающую за стратегический уровень регуляции [15].

Итак, на уровне методологических и теоретических обобщений понятие жизненного мира описывается как «третья реальность», где существует единство внутреннего и внешнего. При этом исследователи, утверждая их единство, не могут избежать необходимости использования самих этих понятий, они пишут о внешних и внутренних аспектах или мирах в рамках единого жизненного мира, что постоянно воспроизводит разделение внешнего и внутреннего: чтобы сказать о единстве чего-то, приходится назвать его составляющие, а значит, воспроизвести и само расчленение. По всей видимости, в этом проявляется фундаментальное различие сознания, заданное способом его работы, разделяющим внешнее и внутреннее, что вольно или невольно связывает и мышление исследователей. В психологической науке отсутствуют традиция и язык описания внешне-внутренних целостностей, которые только создаются. В еще большей мере это выражается на уровне конкретно-экспериментальных исследований, поскольку не разработаны средства операционализации синтеза данных понятий в эмпирических индикаторах. В зависимости от направления в их выборе, что определяется в первую очередь методами исследования, отмечается приверженность изучению в большей степени внутренних (интракорпоральных) или внешних (экстракорпоральных) форм жизненного мира. В первом случае чаще всего рассматривается идентичность, ценностно-смысловая сфера и пространство чувств и переживаний, во втором – связываемые с ними и имеющие объективированную форму предметы внешнего мира.

Рассмотренные выше подходы позволяют предварительно наметить новое континуальное, в отличие от традиционного дихотомического, представление о соотношении внутреннего и внешнего, Я и не-Я. Данный континуум представляется нам следующим: абсолютное внешнее, несуществующее для жизненного мира субъекта, – внешнее, входящее в жизненный мир, но не освоенное субъектом (не-Я), – освоенное внешнее – внешнее, с которым субъект идентифицируется, – внутреннее, с которым субъект идентифицируется, – внутреннее (Я). С привлечением к обсуждению данной проблемы предложенного А.Ш. Тхостовым [16] представления об относительности границы субъекта и объекта деление внешнего и внутреннего в жизненном мире предстает как подвижное, функциональное и деятельностно-опосредованное, а не изначально заданное. Подробное обоснование и дальнейшая проработка предварительно намеченного выше варианта континуума является задачей отдельного теоретического исследования.

Позиция описания. Следующая важная координата, по которой различаются теоретические подходы к описанию жизненного мира, – это позиция его описания: *изнутри*, с точки зрения самого человека, или *извне*, с позиции внешнего по отношению к нему наблюдателя. Это фундаментальное различие двух научных парадигм с принципиально разной методологией познания: естественно-научной и гуманистической, сосуществующих с самых истоков развития психологии. Так, К. Левин, исследуя жизненное пространство на основе естественно-научной методологии, описывал его лишь с позиции внешнего наблюдателя. И хотя им введены почти все основные различия, сквозь призму которых современная наука описывает понятие жизненного мира, противопоставление позиций описания как внешняя по отношению к его методологии рамка в его теории отсутствует. Именно в этом отношении противоположна данному описанию феноменология Э. Гуссерля [17], которая постулирует принципиальную необходимость познания жизненного мира человека изнутри, с позиции самого субъекта.

Различение позиций описания просматривается в предложенном К. Коффкой [18] делении понятий психологии на два класса: функциональные и описательные. Первые используются для характеристики поведения наблюдаемого человека с точки зрения внешнего наблюдателя, вторые используются им самим для описания собственных переживаний. Истоки обсуждаемого нами различия позиций можно найти в рефлексивных техниках изменения сознания в классическом буддизме. Различие позиций наблюдения эксплицировано и доведено вплоть до уровня психотехнических приемов в нейро-лингвистическом программировании, где, кроме обозначенных выше двух, выделяют также третью позицию восприятия [19].

Описание жизненного мира из различных позиций требует диаметрально противоположных методов исследования. Феноменологический подход, ориентированный на познание жизненного мира «изнутри», апеллирует к рефлексивным, осуществляемым через интуитивное, непредубежденное, аналитическое приведение к ясности и максимально точное и всестороннее отражение в языке феноменов сознательной жизни [20]. Он предполагает также герменевтические методы, включающие эмпатическое слушание и сопереживание другому человеку, которые позволяют проникнуть в его жизненный мир. Здесь

мир, как он существует для субъекта, предстает в первую очередь как мир переживаемый, при этом акцентируется его уникальность и неповторимость. Тем не менее обобщения, которые делает исследователь с использованием данной стратегии, обнаруживают также и типичное, повторяющееся, а значит, закономерное и всеобщее. Результатом обобщения становятся качественные – классификационные или таксономические – схемы, характерные и для описательных стратегий других наук, в том числе естественных [20]. Исследования жизненного мира из *внешней* позиции тяготеют к естественнонаучной методологии экспериментирования, апеллирующей к фиксациям внешне проявляемых феноменов и направленной на вскрытие причинно-следственных связей.

Хотя в последнее время в направлениях психологии, традиционно пользующихся объективными методами, появились удачные способы реконструкции жизненного мира, приближающиеся к взгляду «изнутри» (например, некоторые варианты психосемантических методик), а феноменологическая стратегия исследования стала использовать схемы и процедуры сбора и анализа данных, направленные на повышение их объективности [20], тем не менее это не означает стирания принципиальной разницы между данными позициями описания. Возможно, сближение методов приведет в перспективе к утверждению традиции двухпозиционного описания жизненного мира с обязательным различением описаний из каждой позиции не только в практических, но и в исследовательских технологиях по аналогии с принципом дополнительности Бора.

Необходимо отметить также, что между акцентированием внешних или внутренних аспектов жизненного мира, с одной стороны, и выбором позиции его описания, с другой, а также предпочтением используемых методов нередко наблюдается связь. Так, внешние аспекты жизненного мира легко поддаются изучению естественнонаучными методами, тогда как в исследовании внутренних областей кроме объективированных научных методов активно используется феноменологическая стратегия исследования, связанная с описанием жизненного мира изнутри его. Тем не менее это не означает тождества данных координат в исследовании жизненного мира. Оба полюса континуума внешнее – внутреннее могут быть исследованы из каждой обозначенной позиции описания. Конечно, при этом сама граница разделения внешнего и внутреннего в зависимости от позиции описания может пролегать существенно по-разному.

Ситуативность – устойчивость. Во всех рассмотренных выше подходах понятие жизненного мира (или пространства) выступает в качестве предельно обобщенной, масштабной, соотносимой с контекстом целостной жизни и всей системы отношений человека категории, схватывающей устойчивые, внеситуативные реалии его бытия в мире. При этом некоторыми из вышеупомянутых авторов разработаны понятия, представляющие также и ситуативные срезы жизненного мира. Так, К. Левин наряду с понятием жизненного пространства использовал понятие *психологического поля*, В.Е. Ключко – *ценностно-смысловой структуры ситуации*; широко известно введенное Л.С. Выготским понятие *смыслового поля* [21].

Другое направление теоретических поисков изначально отталкивалось от понятия *ситуации*, вкладывая в него родственное содержание [22–25]. Оно противостояло бихевиоральной традиции подхода к ситуации как объективной

совокупности элементов (событий, условий, обстоятельств и т. п.), оказывающих разнообразные воздействия на субъекта, где ситуация фактически была аналогом расширенного, никак не зависящего от субъекта внешнего стимула. Во вновь формируемое понятие ситуации авторы данного направления включают и субъекта, действующего в том или ином ситуационном пространстве и выступающего его организующим началом. Как пишет Ю.К. Корнилов, если «ситуация отразилась нашей психикой, значит она стала явлением психологическим, а до тех пор она просто не существовала. <...> Ситуация – это не весь объективный мир, а лишь та его часть, которая отражается субъектом на фоне его актуальной потребности» [23, с. 9]. Таким образом, он связывает ситуацию с имеющей потребностный характер психологической готовностью со стороны субъекта, благодаря которой элементы и связи, образующие ее целостность, выделены и сосредоточены относительно этого субъекта. Дальнейшая разработка понятия С.А. Трифионовой расширила перечень детерминант ее возникновения: кроме отдельной потребности в этом качестве рассматриваются актуальная позиция субъекта, его мотивы, цели и задачи [24]. Тем не менее понятие ситуации не выводится на уровень масштабных жизненных контекстов, и на теоретическом уровне, и в экспериментально-исследовательской практике оно обозначает конкретизированный в определенном *месте* и *времени* фрагмент жизненного мира (кратковременность, ограничение временными границами ситуации является ее существенным признаком [25]). Нельзя не заметить внутреннего родства понятия *ситуации*, также фиксирующей реальность, возникающую при слиянии или на стыке внешнего и внутреннего, с рассмотренными выше понятиями. Основное его отличие определяется сужением временных и пространственных рамок изучаемой реальности.

Ф.Е. Василюком предложено понятие *практического сознания*, основная функция которого – сближать надситуативность (характерную для ценностного мира) и ситуативность, доводя первую до формы второй (конкретизируя идеальные цели) и, наоборот, изобличая в ситуативной данности надситуативный смысл и ценность. Данное понятие предполагает различение по критерию ситуативности – устойчивости [4], который оказался неявно включен в параметры легкости – трудности и простоты – сложности, лежащие в основе разработанной автором типологии жизненных миров, где единичная потребность в случае простого мира предельно ситуативна, а ценностное отношение в случае сложного мира является обобщенным внеситуативным образованием.

Если понятия жизненного мира и ситуации (часто к последнему добавляют уточнение – психологическая или субъективная ситуация, чтобы отличить от более традиционного ее понимания) можно рассматривать как находящиеся на противоположных полюсах по обозначенному пространственно-временному критерию, то понятие «социальная ситуация развития», введенное Л.С. Выготским [26], по данному критерию является промежуточным, так как отражает целостность жизненного мира развивающегося ребенка, взятую в совокупности всех его отношений с миром, и ограничивает его более широкими временными рамками определенного возраста.

Общее – частное. В современной психологии понятие пространства часто сочетается с указаниями на ту или иную специализированную *сферу* жизни че-

ловека и общества, что задает еще одну координатную ось описания жизненного мира в соответствии с логикой родо-видовых отношений. Систематизируя существующие подходы, А.Л. Журавлев и А.Б. Купрейченко [1] предложили разделять *общие*, базовые, универсальные пространства существования человека, такие, как ментальное, жизненное и т. п., а также целый веер более *частных*, специализированных, связанных с конкретными сферами жизнедеятельности человека, которыми оперируют как различные отрасли психологии, так и другие науки: профессиональный мир, образовательное пространство, пространство коммуникации, экономическое и правовое пространства и т. д. Необходимо заметить, что этот способ конкретизации является родо-видовым только в одном ракурсе, а в другом, при рассмотрении частных пространств в их отношении к целостности бытия в мире отдельного человека, он скорее отражает отношение целое – часть, поскольку в жизненном мире человека выделяются отдельные зоны, области, сферы жизнедеятельности, образующие пространство профессии, общения, семьи и пр., которые выступают как его составные части. Поэтому при определении типа логического отношения между общими и частными пространствами необходимо определить его субъекта – это отдельный индивид, социальная группа или общество в целом.

Вариантами конкретизации от рода к виду могут выступать уже рассмотренные нами выше понятия бытийного и экзистенциального пространств, а также разрабатываемое упомянутыми авторами понятие социально-психологического пространства [1].

Целое – часть. Наряду с вышеуказанными способами выделения в жизненном пространстве его отдельных частей в соответствии со сферами жизнедеятельности человека в поле современных исследований имеются и иные подходы, также воплощающие способы рассмотрения жизненного мира в рамке целое – часть. Так, в концепции Ф.Е. Василюка вводится, кроме уже указанной предельно обобщенной методологической категории, представление об *отдельном жизненном мире*, который задается через определение его пространства и времени, субъекта и *Другого*, предметного наполнения и атмосферы, языка и мифа [6]. Постулируется множественность сосуществующих или вложенных друг в друга жизненных миров, в которых феноменологически пребывает человек, последовательно актуализируемых или порождаемых, например, в процессе беседы с психологом. Аналогичное понимание характерно и для концепции трансформации личности М.Ш. Магомед-Эминова. В ней утверждается существование большого количества разных жизненных миров (понимаемых в каком-то смысле как отдельные, относительно независимые), в переходе между которыми совершается бытие человека, что требует от него личностной работы различения и связывания собственной идентичности; это позволяет задать автору онтологию транзитного, переходного человека [12].

Относительно трех последних из рассмотренных оппозиций необходимо отметить, во-первых, что они могут тесно связываться друг с другом, а во-вторых, каждая из них предполагает некоторый континуум. В связи с этим в конкретно-психологических исследованиях могут возникать проблемы различения как самих координат, так и степени дробности дифференциации задаваемого каждой из них континуума. По всей видимости, решение зависит от тех теоретиче-

ских или практических задач, которые ставит перед собой исследователь. Принципиальными являются сами основания выделения понятий, выступающих в качестве средства описания новой психологической реальности – жизненного мира человека – независимо от ее масштаба, фиксируемого данными понятиями.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать следующие **выводы**. Во-первых, понятийная оппозиция внешнее – внутреннее является центральной в описании жизненного мира и сквозной для всех существующих подходов. Указывая на единство внешнего и внутреннего, разные авторы работают или в зоне существования предельно обобщенных форм этого единства (метаиндивидуальный мир, открытая самоорганизующаяся психологическая система), или же сконцентрированы преимущественно на его экстракорпоральных (бытийное пространство) или интракорпоральных (экзистенциальное пространство) формах, что отражается и в специфике используемых ими терминов. В совокупности они создают более тонкий и дифференцированный способ топологизации данного единства, что может стать основанием для *континуального* представления о соотношении внешнего и внутреннего в отличие от традиционного дихотомического. Во-вторых, достаточно широко используемыми и представленными в разнообразных вариантах реализации являются оппозиции общего и частного, целого и части, устойчивого и ситуативного, которые на конкретно-эмпирическом уровне исследований могут быть сцеплены друг с другом. Они также представляют континуумы, дающие возможность вычленения разных по величине «шагов» деления, что становится отдельной задачей при их систематизации и сопоставлении. В-третьих, в качестве наименее эксплицированного в исследованиях можно назвать различие позиций описания жизненного мира – изнутри или извне, которые, являясь линией водораздела принципиально разных парадигм в психологии, разделены дихотомически. Вероятно, вследствие этого ни в одном из подходов не осуществляется координация описаний жизненного мира из обеих позиций.

Обозначенные в настоящей работе понятийные оппозиции являются существенными для построения координатных осей теоретического пространства познания жизненного мира и его структурно-уровневой модели. Полученные при анализе уже имеющихся концепций, они помогают в решении задачи их систематизации и сопоставления различных подходов, однако, вероятно, не исчерпывают всех возможных и необходимых для полноты анализа жизненного мира человека направлений. Это позволяет считать данный перечень открытым.

Summary

N.R. Salihova. Conceptual Oppositions in Describing the Vital World of a Person.

The article presents a comparative analysis of the basic approaches in modern psychology to studying the vital world of a person. The analysis is aimed at explicating the obvious and implicit conceptual distinctions used in vital world description. The model of theoretical space of studying the vital world is offered including opposition of internal and external, description positions from the outside and inside, situational and steady, general and particular, whole and part.

Key words: vital world, vital space, psychological space, psychological situation.

Литература

1. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Социально-психологическое пространство самоопределяющегося субъекта: понимание, характеристики, виды // Вестн. практ. психологии образования. – 2007. – № 2 (11). – С. 7–13.
2. Нартова-Бочавер С.К. Понятие «психологическое пространство личности» и его эвристические возможности // Психол. наука и образование. – 2002. – № 1. – С. 34–46.
3. Левин К. Динамическая психология: Избранные труды. – М.: Смысл, 2001. – 572 с.
4. Василюк Ф.Е. Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 200 с.
5. Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Проблемы общей психологии. – М.: Педагогика, 1973. – С. 118–276.
6. Василюк Ф.Е. Понимающая психотерапия как психотехническая система: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 2007. – 47 с.
7. Клочко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). – Томск: Том. гос. ун-т, 2005. – 174 с.
8. Дорфман Л.Я. Концепция метаиндивидуального мира: современное состояние // Психология. Журн. Высш. шк. экономики. – 2006. – Т. 3, № 3. – С. 3–34.
9. Рябикина З.И. Личность как субъект бытия и со-бытия // Психология личности: учеб. пособие / Под ред. П.Н. Ермакова, В.А. Лабунской. – М.: Эксмо, 2007. – С. 132–167.
10. Нартова-Бочавер С.К. Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии. – СПб.: Питер, 2008. – 400 с.
11. Абульханова К.А., Березина Т.Н. Время личности и время жизни. – СПб.: Алетейя, 2001. – 304 с.
12. Магомед-Эминов М.Ш. Позитивная психология человека. От психологии субъекта к психологии бытия: в 2 т. – М.: Психоанал. ассоц. РФ, 2007. – Т. 1. – 560 с.
13. Сапогова Е.Е. «Обитель души»: экзистенциальное пространство субъекта // III Всерос. науч.-практ. конф. по экзистенциальной психологии: материалы сообщений / Под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2007. – С. 106–111.
14. Шадриков В.Д. Мир внутренней жизни человека. – М.: Унив. книга; Логос, 2006. – 392 с.
15. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, структура и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 1999. – 486 с.
16. Тхостов А.Ш. Топология субъекта (опыт феноменологического исследования) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. – 1994. – № 2. – С. 3–13; № 3. – С. 3–12.
17. Гуссерль Э. Избранные работы. – Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. – 752 с.
18. Коффка К. Основы психического развития // Гештальтпсихология. – М.: АСТ – ЛТД, 1998. – С. 348–657.
19. Dilts R., Grinder J., Bandler R., DeLozier J. Neuro-Linguistic Programming. V. 1: The Study of the Structure of Subjective Experience. – Capitola, California: Meta Publications, 1980. – 298 p.
20. Улановский А.М. Феноменологический метод в психологии, психиатрии и психотерапии // Методология и история психологии. – 2007. – Т. 2, Вып. 1. – С. 130–150.
21. Выготский Л.С., Биренбаум Г.В., Самухин Н.В. К вопросу о деменции при болезни Пика // Советская невропатология, психиатрия и психогигиена. – 1934. – Т. III, Вып. 6. – С. 97–135.

22. *Филиппов А.В., Ковалев С.В.* Ситуация как элемент психологического тезауруса // Психол. журн. – 1986. – Т. 7, № 1. – С. 14–21.
23. *Корнилов Ю.К.* Как ситуация становится проблемной // Практическое мышление и опыт: ситуативность и инструментальность обобщений: сб. ст. / Под ред. Ю.К. Корнилова. – Ярославль: Ярослав. гос. ун-т, 2000. – С. 3–14.
24. *Трифорова С.А.* Субъективная ситуация: содержание, формирование, способы построения: Дис. ... канд. психол. наук. – Ярославль, 1999. – 190 с.
25. *Бурлачук Л.Ф., Коржова Е.Ю.* Психология жизненных ситуаций. – М.: Рос. пед. агентство, 1998. – 263 с.
26. *Выготский Л.С.* Вопросы детской (возрастной) психологии // Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. – М.: Педагогика, 1984. – Т. 4. – С. 243–385.

Поступила в редакцию
14.05.09

Салихова Наиля Рустамовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии Казанского государственного университета.
E-mail: Nailya.Salihova@ksu.ru